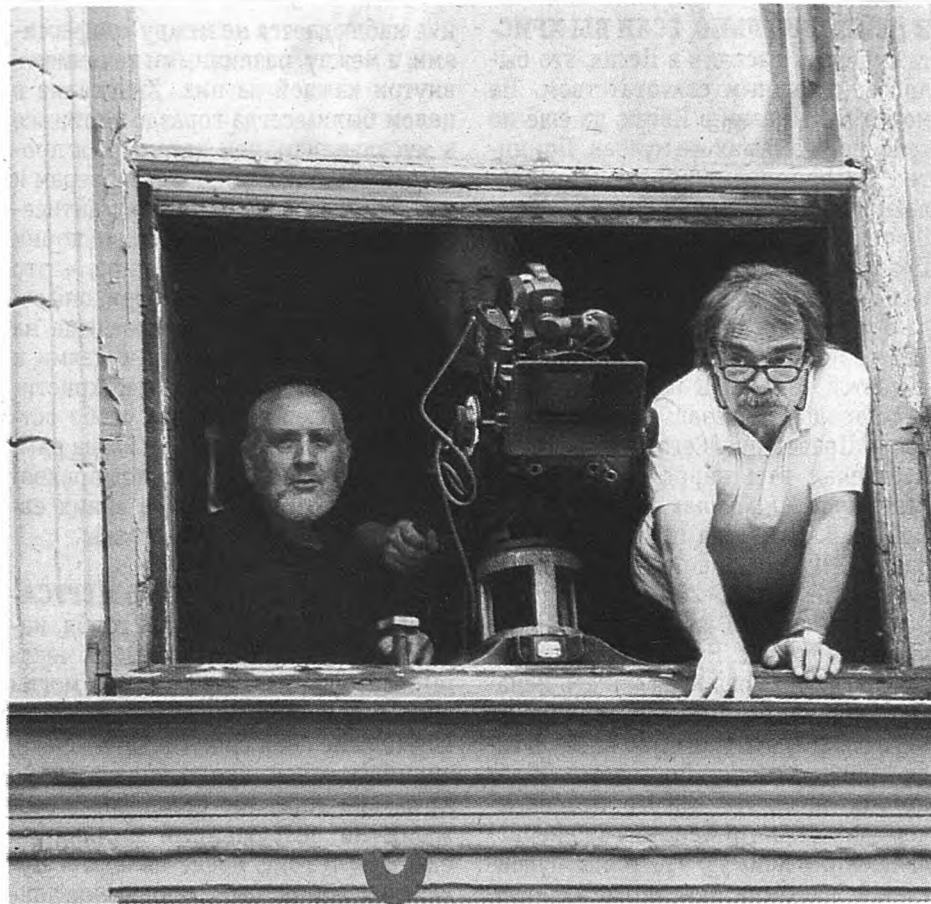

Э

же 50 раз оркестр играл эту музыку. Но встаёт не тот человек за пульт – и полный провал.

Александр Адабашьян. – 2002. – июнь (№23) – с. 30, 31

Рабочий момент съёмки.

А. Гнезашев

что-то не сходится с его замыслом. Понятно: вот эта роща слева мешает. Приказывает: "Срубить её к чёртовой бабушке!" Рубят рощу, которая лезет в кадр слева. Снова смотрит в видоискатель. Опять не нравится. И снова команда: "А теперь убрать ещё десяток деревьев справа!" Убрали и их. Снова смотрит, чешет в затылке и вдруг предлагает: "А вообще, давай это не снимать. Лучше дадим крупный план героини, и по её щеке – слеза!" Так и поступают. Крупное лицо героини, по щеке скатывается слеза. А рощу слева срубили, а с нею десять деревьев справа. И заодно несколько домов в деревне сожгли совершенно случайно. А если заодно кого-то ещё и деревом придавит, вообще можно говорить: "Какая у нас опасная профессия – люди гибнут!"

На самом деле всё гораздо проще можно сделать. Мешает роща слева и пятнадцать деревьев справа – не руби их, а передвинь чуть в сторону камеру. Чем я горжусь – так это тем, что за всё время работы главным художником не приказал срубить ни одного дерева. Потому что, на мой взгляд, никакая картина не стоит гибели одного живого дерева...

– Ты не сгущаешь краски?

– Нет! Часто наши артисты с восторгом рассказывают, как по заданию режиссёра им приходилось сниматься в ледяной воде в холодное время года. А я задаю себе вопрос: "Зачем режиссёр загнал людей в ледяную воду? Ведь эту сцену можно было снять летом". В каком-то интервью известный кинорежиссёр Александр Митта сказал, что одно из удовольствий профессии режиссёра состоит в том, что можно в течение нескольких месяцев безнаказанно унижать людей...

– Он пошутил...

– Конечно, пошутил. Но эта шутка содержит значительную долю правды. Но я никогда не испытывал удовольствия, унижая кого бы то ни было...

– Но если это даёт результат, значит, этому не грех научиться?

– Ничего не получится. Ты можешь окончить 50 ВГИКов, увидеть в кино всё, начиная с "Политого поливальщика" до последних картин Алексея Германа, но так и не привнести в своё произведение нечто такое, что сделает его явлением. А может кто-то прийти в смазных сапогах, попыхая папироской, оглядится и, растирая окурки о пол, скажет: "Поставьте камеру вот здесь!" И начнёт снимать картину, которая позже будет признана шедевром. Вот почему я утверждаю, что кинорежиссёр – это не профессия, а склад характера. У меня его нет, и я это прекрасно знаю. А потому и говорю: я не являюсь режиссёром, а только снимаю кинофильмы.

Его признание меня озадачило.

Мы говорили о кино, где он попробовал себя в нескольких ипостасях – писал сценарии и не только для русских, но французских и итальянских фильмов, был главным художником во многих отечественных картинах, снимался в небольших, но достаточно запомнившихся ролях. Наконец, сам поставил во Франции художественный фильм из жизни французской провинции "Мадо, до востребования", который получил несколько призов во Франции и Бельгии. С Александром Адабашьяном беседует корреспондент "Алфавита" Леонид ПЛЕШАКОВ

Недавно Александр Адабашьян закончил фильм по акунинской "Азazelи". И – на тебе! – после всего этого он заявил:

– Я режиссёром себя не считаю. И вообще, с моей точки зрения, такой профессии нет. Это не профессия, а склад характера... Судите сами. Вот художник в кино – известно, каковы его обязанности, чем он конкретно занят. Или, допустим, оператор – ясно, что это человек, имеющий дело со съёмочной техникой, фиксирующий происходя-

бог и царь. Когда я переносил поставленную в Мариинке оперу "Хованщина" на сцену Ла Скала, то считался "маэстро", и ко мне относились, как будто на моём месте был сам Дзеффирелли. Всё, что требовал "маэстро", выполнялось быстро и беспрекословно.

– Но это говорит только о дисциплине и порядке. К тому же оперный театр – это всё же не кино...

– Разговор не о том, театр это или киносъёмки, а о том, что человек, стоящий во главе творческого коллектива, должен обладать особыми, если хочешь, диктаторскими качествами, которые позволяют ему направлять весь процесс работы в определённое, только ему одному понятное русло. Такие же качества нужны, я считаю, дирижёрам любого оперного театра или симфонического оркестра. Имеются в виду, конечно, хорошие дирижёры. Для меня эта категория людей по сию пору является загадкой, хотя, казалось, столько раз наблюдал их и по совместной работе, и просто как зритель. Представьте: оркестр уже 50 раз играл эту музыку и ноты знает наизусть. На сцену выходит один и тот же состав солистов. Все занавесы и декорации поднимают-

управляющими

Александр Адабашьян: «Я не являюсь режиссёром, а только снимаю кинофильмы».

щее на плёнку. Гримёр – тоже профессия, целая наука. А что такое режиссёр? Взгляд и нечто. Зато это лидер сложного процесса, который называется съёмками фильма. На Западе – это большой начальник. Там вообще существует такая система, что режиссёр –

ся и опускаются по команде – никаких накладок нет. Но встаёт не тот человек за пульт – и полный провал. Оркестр раскис, солисты не сходятся, на сцене полный бардак – всё разваливается. Зато когда за пульт становится тот человек – всё идёт как по маслу...

– Почему, с твоей точки зрения, это происходит?

– Потому... Это не имеет определения... Какое-то склеивающее вещество, что ли... Качество, которое без всяких признаков ремесла является профессией. Понимаешь, какой-нибудь тихий художник Александр Герцевич сидит за пятым пультом и наяривает на своей скрипочке, как чистый бриллиант, которому нет равных. Но, несмотря на свою гениальную игру за пятым пультом, он никогда не будет дирижёром. А если бы и встал перед оркестром, он бы взмок, потерял бы половину волос, уронил дирижёрскую палочку и развалил бы всё, что только можно было развалить. Потому что у Александра Герцевича нет характера руководить оркестром.

Но вот другой музыкант. Он играет на той же скрипочке в сто раз хуже нашего Александра Герцевича, но стоит ему подняться на место дирижёра, как у всего оркестра пробегают мурашки по коже. И на сцене происходит то же самое – лёгкий озноб. Все на старте, ждут команды.

В оперном театре или балете есть такая команда, передаваемая по гром-

кой связи: "Дирижёр идёт в оркестр!" И по тому, что происходит после неё в оркестровой яме, можно понять, что за дирижёр идёт в оркестр. В принципе, команда эта означает полную готовность всех к началу спектакля. Однако если идёт в оркестр, допустим, Гергиев, то по шёпоту за кулисами поймёшь, что все будут находиться на своих рабочих местах и напряжённо ждать взмаха дирижёрской палочки. Когда же в оркестровую яму направляется какой-нибудь очередной дирижёр, музыканты отпускают такие реплики: "Этот в оркестр идёт? Значит, можно ещё три минуты покурить..."

– Давайте всё же вернёмся к кино...

– Хорошо, но я закончу свою мысль. Дирижёр не обязан играть на каком-либо инструменте. Правда, у него должен быть абсолютный слух и умение читать партитуру. Кинорежиссёру даже этого не надо. Он должен знать только буквы, чтобы суметь прочесть сценарий...

– Что-то ты очень круто о собратях по цеху...

– Но и о себе в том числе.

– При том, что сам всё-таки снимаешь фильмы?

– Это разные вещи: умение снимать кино и быть кинорежиссёром. Ремесло и состояние духа – улавливаешь разницу? Что такое настоящий режиссёр? Наверное, готовность брать на себя ответственность за всякие благоглупости, которые вершатся на съёмочной площадке. Вот приходит режиссёр, смотрит в видоискатель,

А. Гнезашев

На съёмках "Азazelи".